

НАЙО

МАРШ

*НА КАЖДОМ ШАГУ
КОНСТЕБЛИ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Родерик Аллейн

Найо Марш

На каждом шагу констебли

«Издательство АСТ»

1968

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

На каждом шагу констебли / Н. Марш — «Издательство АСТ»,
1968 — (Родерик Аллейн)

ISBN 978-5-17-160973-3

В отсутствие убившего в командировку супруга жена Аллейна, талантливая художница Трой, отправляется на маленьком пароходике в увеселительный круиз по Темзе. Атмосфера на судне царит уютная, невзирая на пеструю, разномастную компанию пассажиров. Но что-то кажется Трой неуловимо подозрительным, что-то заставляет ее напряженно ждать происшествий. И ожидания ее оправдываются, когда кто-то жестоко убивает назойливую, смешную, но добродушную старую деву. Трой решает начать собственное расследование...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-160973-3

© Марш Н., 1968
© Издательство АСТ, 1968

Содержание

Действующие лица	6
I	7
II	19
III	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Найо Марш

На каждом шагу констебли

Посвящается Одри и Гаю

Ngaio Marsh

CLUTCH OF CONSTABLES

© Ngaio Marsh Ltd, 1968

© Перевод. Е. Короткова, наследники, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Действующие лица

Список пассажиров теплохода «Зодиак»:

Миссис Родерик Аллейн
Мисс Хейзл Рикерби-Каррик
Мистер Кэли Бард
Мистер Стенли Поллок
Доктор Френсис Натуш (врач)
Мистер Эрл Дж. Хьюсон
Мисс Салли-Лу Хьюсон
Преподобный Дж. де Б. Лазенби

Экипаж теплохода «Зодиак»:

Джеймс Тритуэй, шкипер
Миссис Тритуэй, кок и буфетчица
Том Тритуэй, юнга

Лица, живущие в Толларке или в его окрестностях:

Джо Бэг, агент по продаже подержанных
товаров

Миссис Бэг, его мать
Мистер и миссис Джон Смит, стилиаги

Полиция:

Старший инспектор Элберт Тиллотсон, полиция Толларка
Постовой Кейп, полиция Толларка
Старший инспектор Р. Бонни, полиция Лонгминстера
Констебли из полиции графства
Старший инспектор Аллейн, уголовно-следственный отдел, Лондон
Инспектор Фокс, уголовно-следственный отдел, Лондон
Агент Бэйли, уголовно-следственный отдел, Лондон
Агент Томпсон, уголовно-следственный отдел, Лондон

I

За справками обращаться сюда

– Артист всегда действовал наверняка, – рассказывал Аллейн. – К делам он готовился тщательно, не надеясь на случай, работал, как говорится, со вкусом и не жаловался на связанные с его профессией неприятности. Принимая то или иное решение, он смело шел на риск, но думаю, что убивал не ради удовольствия, а по необходимости. Его способности полностью соответствовали избранной им профессии: ловкость рук, поразительная дотошность, недюжинный математически точный ум, богатое воображение и при этом крепкие нервы. И наконец, главное: он превосходный имитатор. Это талант врожденный, выучиться ему нельзя. С самого детства Артист обладал виртуозным даром подражания. Он не только подражал манере говорить и поведению разных людей, он инстинктивно чувствовал, как они должны вести себя в определенных обстоятельствах. Неудивительно, – сказал Аллейн, – что он так долго водил нас за нос.

Он обвел взглядом аудиторию: шесть рядов коротко остриженных голов. Действительно ли туповатые с виду настолько тупы, как это кажется? Действительно ли так уж способен тот, во втором ряду, тот малый, прибывший сюда с отличной аттестацией? Он продолжал:

– Я решил остановиться именно на Артисте, потому что в нем одном сконцентрировались все те черты, которые у других убийц встречаются по отдельности. Его настоящее имя Фолджем. Он родился в Йоганнесбурге, получил хорошее образование и, по слухам, года два изучал медицину, но с детства пошел, так сказать, по плохой дорожке. Кличку ему дали еще в Южной Африке его сообщники, и она привилась: под ней он и известен полиции многих стран. Я начну свой рассказ с момента его удивительно остроумного побега из боливийской тюрьмы 7 мая позапрошлого года.

Несколько человек застрочили карандашами в тетрадках. Эту свою лекцию старший инспектор Аллейн читал на курсах повышения квалификации при полицейском колледже.

– Вследствие необычайного стечения обстоятельств, – начал Аллейн свой длинный рассказ, – я оказался лично причастным к этому делу. «Лично», то есть не только по долгу службы, но и как частное лицо. Случилось так, что моя жена...

1

«...и главное: выставка является обзором творческого пути художницы, но отнюдь не его итогом; художница продолжает исследовать, искать, и эти поиски доставляют и ей, и нам, зрителям, безмерную радость».

– Господи боже мой! – пробормотала художница, в чью честь был сложен этот панегирик, и украдкой отложила в сторону утреннюю газету. Она вышла из ресторана гостиницы, расплатилась по счету, договорилась, что зайдет за багажом перед отходом лондонского поезда, и отправилась прогуляться.

Гостиница находилась недалеко от реки. Летнее солнце освещало приземистые викторианские торговые постройки, однообразные ряды которых изредка разбивались высокими домами, напоминающими гигантские вертикально поставленные вафельницы. Сквозь утреннюю дымку виднелись готические шпили и неуклюжее здание ратуши. Трой повернулась к ратуше спиной и стала спускаться к реке. Чем ближе она подходила к набережной, тем больше менялся вид улиц: к реке вели узенькие улочки, мощенные булыжником. Трой прошла мимо лавки, пекарни, пахнувшей свежесдобытым хлебом, ломбарда, магазина подержанных запчастей, и тогда наконец перед ней открылась живописная панорама реки. «Причальный переулочек» – так гласила надпись – вел к берегу, где на причале стояли речные суда. Но еще не дойдя до берега, Трой наткнулась на контору Компании увеселительных речных прогулок. К оконному стеклу были приклеены выцветшие объявления, где сообщалось о всевозможных рейсах. Пока она проглядывала их, какой-то человек показался в окне и приклеил к стеклу только что написанное объявление; заметив Трой, он слегка улыбнулся и, пятясь, исчез.

Она прочла объявление:

*На теплоходе «Зодиак»
освободилась одноместная каюта
Отплытие сегодня.
За справками обращаться сюда*

В витрине были выставлены фотографии теплохода в пути и на стоянках. Рейс от Норминстера до Лонгминстера и обратно длился пять дней. Ночлег и пансион на теплоходе. Раскрытая брошюрка сообщала, что рейс проходит по местам, связанным с историческими событиями. «Пять дней вне времени», – восклицал автор брошюрки, как видно, любитель цветистых фраз.

У Трой выдалось тяжелое лето: сперва она готовила персональную выставку, а через несколько недель картины нужно везти в Париж, а затем в Нью-Йорк. Муж был в командировке в Америке, сын учился в Гренобле. Трой представила себе утомительную поездку в железнодорожном вагоне, грустное возвращение, летнюю лондонскую духоту, пустой дом. Неожиданно для себя она открыла дверь, подумав: «На пять дней покину время».

2

«Мое двуличие, – писала мисс Рикерби-Каррик, – беспредельно!»

Она рассеянно взглянула на кончик шариковой ручки и громко откашлялась.

«Взять хотя бы, – писала она, – мою филантропию. Или, скорее, так как я не против словотворчества, мои добродейния».

– Нет! – вслух воскликнула она. – Это не годится. Добродейние – отвратительное слово, просто ужасное.

Оглянувшись, она встретилась глазами с худенькой дамой в темно-синем полотняном платье, сидевшей на чемодане, как и она сама.

– Добродеяние, – повторила мисс Рикерби-Каррик. – Как по-вашему, остроумное это слово?

– Это зависит, вероятно, от контекста.

– Вы с таким удивлением глядите на меня.

– Да? – спросила Трой Аллейн, которая и в самом деле с изумлением смотрела на свою собеседницу. – Простите, я задумалась, я сейчас была где-то за тысячу миль отсюда.

– Хорошо бы и мне там же оказаться. Или нет, – поправилась мисс Рикерби-Каррик, – я опять неточно выразилась: хорошо бы мне очутиться где-то за тысячу миль от самой себя. Уверю вас, – добавила она и снова что-то застрочила в своей тетради.

Трой внимательно оглядела ее. Сидящая перед ней фигура была скорее нелепа, чем смешна. Все нескладно. Казалось, кто-то бросил в нее унылый свитер, бордовый костюм, а чуть повыше вязаную жокейскую шапочку, а они так и прилипли. У нее была странная манера выставлять зубы, растягивая рот, отчего казалось, что она то и дело усмехается. Вцепившиеся в ручку пальцы были искривлены артритом.

– Мое имя, – представилась она, – Хейзл Рикерби-Каррик. Приходская старая дева. А вас как зовут?

– Аллейн.

– Миссис?

– Да. – И, минуту помедлив, добавила, поскольку этого, очевидно, от нее ждали: – Агата.

– Странно, – недовольно сказала мисс Рикерби-Каррик. – А я решила, что вы К. Дж. З. Андропулос, каюта 7.

– Каюта действительно была заказана кем-то по фамилии Андропулос, но в последнюю минуту заказ отменили. Это произошло только сегодня утром. Я тут случайно оказалась... по делу, увидела объявление и почему-то вдруг решила взять билет, – сказала Трой.

– Вот оно что? Занятно. – Они помолчали. – Стало быть, едем вместе? В странствие по реке, – заключила мисс Рикерби-Каррик цитатой из брошюрки.

– Вы едете на «Зодиаке»? Да, мы будем вместе, – сказала Трой, надеясь, что ее слова звучат достаточно дружелюбно.

Мисс Рикерби-Каррик прищурила глаза, выставила зубы и заметила, что им, наверное, предстоит весьма приятный вояж. Некоторое время она разглядывала Трой, а потом снова начала писать.

По булыжной мостовой подъехала блестящая машина и остановилась чуть поодаль. Из машины вышел шофер в форменной одежде; подойдя к причалу, он надменно осмотрелся, вернулся, что-то сказал в заднее окошко невидимому пассажиру и снова уселся за руль.

«Я прихожу в ужас, – писала в тетради мисс Рикерби-Каррик, – когда задумываюсь о мотивах, побуждающих меня действовать. Вот пример. В моем кругу (конечно, весьма узком) меня считают очень милой и доброй особой, которая всегда готова всем помочь. Мне это очень нравится. Люди приходят ко мне с горем. Бросаются мне на шею и плачут. И я так довольна! Я на редкость хорошо умею быть хорошей. Уверена, что они рассказывают друг другу, какая я хорошая. «Хей Рикерби-Каррик, – говорят они, – такая хорошая». И я вправду такая. Я делаю все, чтобы поддержать свою репутацию. Я иду на жертвы, самоотверженно веду себя в автобусах, стоймя стою в метро и уступаю место в очередях. Я навещаю престарелых, утешаю обремененных горем, и если им это не нравится, это уж их печаль. Сама поражаюсь, до чего я хорошая. О горе, горе, горе мне».

На раскрытую страницу упали две капли. Мисс Рикерби-Каррик громко шмыгнула носом.

«И вот так целых пять дней? – ужаснулась про себя Трой. – Она, наверно, ненормальная. Господи, да у нее насморк».

– Простите, – сказала мисс Рикерби-Каррик, – у бедя дебольшой дасборк. – Слегка приоткрыв рот, она издала какой-то хлюпающий звук.

Трой попыталась вспомнить, нет ли дневного поезда в Лондон.

– Вас, вероятно, интересует, – сдавленным голосом произнесла мисс Рикерби-Каррик, – почему это я сижу на чемодане и пишу? Дело в том, что в последнее время я начала вести дневник.

– Да что вы? – жалобно сказала Трой.

К причалу приближался симпатичный на вид человек в старомодном костюме из твида и матерчатой кепке. На плече у него, кроме рюкзака, висел квадратный ящик на лямке, а в руке он нес что-то завернутое в брезент. Трой решила, что эта штука напоминает изуродованную теннисную ракетку. Увидев женщин, он снял кепку и так и не надел ее обратно. Он был рыжеват, конопат, с голубыми глазами – один из них чуть косил, что отнюдь не портило его лица, на котором застыла выжидательная улыбка.

– Доброе утро, – сказал он. – Мы, вероятно, попутчики?

Трой это подтвердила, а мисс Рикерби-Каррик, лицо которой слегка опухло, закивала, улыбнулась и шмыгнула носом. Кивала она энергично.

– «Зодиака» пока не видать, – сказал пришелец. Он мельком взглянул на мисс Рикерби-Каррик, а затем внимательно на Трой. – Меня зовут Кэли Бард.

– Я Трой Аллейн, а это мисс Рикерби-Каррик.

– Но вы же сказали, что вас зовут Агата, – напомнила мисс Рикерби-Каррик, и Трой почувствовала, что краснеет.

– Это действительно так, – пробормотала она. – Трой просто шуточное прозвище, это мой муж придумал... – Она смешалась и тут же почувствовала, что мистер Бард внимательно разглядывает не только ее, но и выдавший виды этюдник у ее ног. Однако он ничего не сказал, только сдержанно обронил: «О, в самом деле?» Когда она смущенно посмотрела на него, он лихо подмигнул ей, чем привел в полное замешательство.

Из этого состояния ее вывело появление молодой парочки на допотопном мотоцикле. Металлические заклепки на их кожаных костюмах и высоких сапогах блестели, освещенные полуденным солнцем. Из-под шлемов на плечи космами падали грязные и сальные волосы.

Мотоцикл проскочил мимо стоявшей машины с шофером и, чихая, остановился. Девушка и мотоциклист спустили на землю ноги и принялись жевать резинку. «Ни у кого не бывает таких наглых рож, – подумала Трой, – как у людей, жующих резинку»; у нее зачесались руки от желания несколькими резкими штрихами нарисовать эту парочку.

– Вы не думаете, что и они?.. – тихо начала она.

– По-моему, едва ли странствие по водам представляет для них интерес, – ответил мистер Бард.

– Во всяком случае, багажа у них нет.

– Багаж им, может, и не нужен. Они, наверное, могут спать и так.

– Серьезно? А эти стальные нашлапки?

– Это, конечно, неудобно, – согласился мистер Бард.

Вновь прибывшие закурили, глубоко затянулись, глядя в пространство, и выпустили дым. Они не обменялись ни единым словом.

Мисс Рикерби-Каррик жадно смотрела на них, затем, нагнувшись, записала в дневнике: «Двое Юных Независимых. С кем их сравнить? С гладиаторами? Интересно, как бы они отнеслись к такому сравнению? Смогла бы я найти с ними общий язык? Понравилась бы я им? Почувствовали бы они ко мне симпатию? Ну вот, я снова за свое. Неисправима!»

Сердито вклеив восклицательный знак, она защелкнула ручку и, повернувшись к Трой, спросила:

– Как вы сюда добирались? Я автобусом из Браммерса.

– А я на машине из Лондона, – сказал мистер Бард, – остановился здесь в гостинице. Я ведь еще вчера вечером приехал.

– И я, – сказала Трой, – но поездом, а не машиной.

– Есть и утренний поезд из Лондона, – заметила мисс Рикерби-Каррик, – он прибывает в 11.45.

– Да, я знаю, но... у меня... было тут еще одно дело, – пробормотала Трой.

– Это вы про картины? – весело осведомился Бард. – Я ведь не ошибся, верно? – Трой взглянула на него, но он рассеянно смотрел на реку. – Я уже там побывал сегодня утром. Здорово!

– Картины! – удивилась мисс Рикерби-Каррик. – Сегодня утром? Побывали там? В кино?

Но прежде чем мистер Бард рассеял ее заблуждение, если он собирался это сделать, по мощеной улочке одно за другим подъехали два такси и высадили пассажиров.

– Ну вот, теперь, наверное, прибыл лондонский, – победно провозгласила мисс Рикерби-Каррик.

Первым вышел из такси малопримечательный мужчина лет сорока. Из-под перетянутого поясом дождевика виднелся костюм в мелкую полоску, розовато-сиреневая рубашка и ярко-розовый галстук.

Волосы на затылке и на висках были коротко подстрижены. Когда он бойко к ним направился, держа в руке фибровый чемоданчик, Трой заметила, что он в ортопедическом ботинке и слегка прихрамывает.

– Общий привет, – сказал он. – Прекрасный денек, а?

Трой и мистер Бард с ним согласились, а мисс Рикерби-Каррик восторженно повторила:

– Прекрасный! Прекрасный!

– Будем знакомы: Поллок, – сказал вновь прибывший, – Стен Поллок.

Мистер Бард представился и представил дам. Взгляд мисс Рикерби-Каррик перешел с Поллока на пассажира второго такси, который, стоя к ним спиной, расплачивался с шофером. Он был очень высокого роста и весьма элегантно одет. Его шляпа, клетчатое пальто и полуботинки были настолько безупречны, что Трой изумилась, увидев на нем черные перчатки, как у диккенсовского гробовщика. Его трубный голос оглушительно пророкотал:

– Благодарю вас. Всего доброго. До свидания.

Он поднял чемодан и повернулся. Шляпа у него была немного сдвинута на лоб, поля отбрасывали на лицо тень, но тень была незаметна, так как само лицо оказалось темнее тени: приехавший был негром.

Мисс Рикерби-Каррик издала какой-то возглас. Мистер Бард, мельком взглянув на прибывшего, продолжал беседовать с Трой; зато Поллок пристально посмотрел в его сторону, слегка присвистнул и отвернулся с непроницаемым выражением лица, а мотоциклисты вдруг почему-то громко захохотали.

Новый пассажир приподнял шляпу, проходя мимо них, направился к краю причала и стал всматриваться в излучину реки.

Трой быстро сказала:

– Значит, теперь нас пятеро. Недостаёт троих.

– Один из них, без сомнения, приехал в том шикарном автомобиле, – сказал мистер Бард. – Я пытался разглядеть его в окошко, но мне помешала развернутая газета.

– Мужчина это или женщина?

– Мужчина, уж это точно. Рука большая, наманикюренная. Шофер этакий замороженный. Давайте поглядим по списку, кто же это может быть. – Он взглянул на стоявшего у реки. – Как вы думаете, который из них доктор Натуш, а который мистер Дж. де Б. Лазенби?

– Я ручаюсь, что в машине Дж. де Б. Лазенби, – сказала Трой, – это звучит так величественно.

– Да? А по-моему, наоборот: в машине доктор Натуш, специалист по некой экзотической отрасли медицины, берущий астрономические гонорары. А наш приятель у реки – откуда-нибудь с Барбадоса, где у него уйма отелей, и зовут его Джаспер де Брабазон Лазенби. Хотите пари?

– Согласна, – сказала Трой. – Ваши условия?

– Если выиграю я, вы со мной выпьете перед ленчем. Если выиграете вы, я плачу за напитки.

– Ну, знаете ли! – воскликнула Трой.

Мистер Бард ухмыльнулся.

– Давайте поглядим, – сказал он. – Попробую-ка я... – Он улыбнулся и, не закончив фразы, направился к причалу.

– Вы, очевидно, едете с нами? – донеслось до Трой.

– На «Зодиаке»? – спросил могучий бас. – Да.

– Нам, пожалуй, следовало бы познакомиться?

Все внимательно прислушались.

– Натуш.

– Доктор Натуш?

– Совершенно верно.

Бард незаметно поклонился Трой.

– Я Кэли Бард, – сказал он.

– Вот как? Я тоже читал список пассажиров. Доброе утро, сэр.

– Пойдемте, я познакомлю вас с остальными.

Они повернулись. Мистер Бард был высокого роста, но рядом с доктором Натушем не казался очень крупным. Подвижная, пестрящая солнечными бликами поверхность реки странно изменила облик обоих, преувеличивая рост и окружив дрожащим нимбом, искажая каждое движение. Трой, у которой все плыло перед глазами, вдруг подумала: «Ну что я так разнервничалась. Все будет хорошо, разве только мистер Поллок окажется слишком агрессивным или мисс Рикерби-Каррик – чересчур экспансивной». Она взглянула на мостовую. Мотоциклисты стояли так же неподвижно, жевали жвачку и глазели в пространство.

Трой протянула доктору Натушу руку, и тот вежливо поклонился, сняв шляпу. Его густые волосы были коротко острижены, на висках виднелась седина. Он не был абсолютно черным: кожа у него была темная, теплого оттенка, с тенями цвета черного винограда.

Как и предполагала Трой, мисс Рикерби-Каррик проявила чрезмерный энтузиазм. Она схватила доктора Натуша за руку и долго трясла ее и смеялась как безумная:

– Ох-хо-хо, как чудесно.

Мистер Поллок засунул руки в карманы и, прихрамывая, отошел, уклонившись таким образом от знакомства.

Поскольку другой темы не было, Трой спросила Натуша, прибыл ли он лондонским поездом. Он объяснил, что приехал на машине из Ливерпуля, добавил несколько общих слов, улыбнулся ей и, слегка кивнув, отошел к причалу.

– Вот те на! – ни к кому не обращаясь, сказал мистер Поллок. – Попробуй теперь жаловаться, коли ни о чем таком и разговору не было.

– Не было разговора? – переспросила мисс Рикерби-Каррик. – О чем не было разговора?

– А вот об этом. – Он кивнул в сторону доктора Натуша. – Разве нас предупредили, когда мы билеты брали?

– О, зачем вы так, – прошептала она, – не надо так, честное слово, не надо.

– Ведь эта поездка вроде считается первой классной. Верно? Так они говорят? Люкс! Роскошные условия! На черта мне такая роскошь. Знал бы я, какая тут подобралась компания, меня бы сюда калачом не заманили, это точно.

– Странно, – небрежно бросил мистер Бард.

– Вам, может, и странно, – сердито сказал мистер Поллок. Он повернулся к Трой, надеясь найти в ней союзницу. – А вот дамы, например, обижены.

– Да будет вам, – сказала Трой как можно добродушнее. – Нисколько мы не обижены, верно, мисс Рикерби-Каррик?

– Ох, ну конечно нет. Конечно нет.

– Я зря не буду говорить, – не уступал мистер Поллок. – Я сдаю внаем дома и знаю: стоит кому-то из этих поселиться в районе, местность превращается в трущобы. В момент!

– Мистер Поллок, но он ведь доктор, – сказала Трой.

– Шутки шутите? Какой еще там доктор?

– Доктор медицины, – сказал Бард. – Вы поглядите в списки пассажиров. Там написано.

– Назваться можно как угодно, – мрачно сказал мистер Поллок. – Как угодно, да. Вот я, например, возьму и скажу, что я граф. – Он сердито посмотрел на улыбнувшуюся Трой. Потом и на его лице мелькнула тень улыбки. – Может быть, никто и не поверит, – добавил он, – но сказать-то все можно.

Мотоциклист вдруг резко просигналил: «Таа-та-та-та. Та-та». Парень и его спутница смотрели на излучину реки, откуда медленно выплывал белоснежный теплоход. На носу развевался ало-зеленый флаг компании пароходства, а на корме – красный, кормовой. Солнце освещало медную обшивку теплохода, а за окошками салона багровели занавески. Чем ближе судно подходило к берегу, тем ярче выступали золотые буквы на носу: «Зодиак».

Часы на колокольне пробили двенадцать.

– А вот и теплоход, – сказал мистер Бард. – Минута в минуту.

3

«Зодиак» бросил швартовы, и паренек лет пятнадцати очень ловко их закрепил. Шкипер вышел из рулевой рубки, чтобы проститься с пассажирами, благодарившими его и сетовавшими, что путешествие уже закончилось. Когда пассажиры проходили мимо ожидавших, одна из женщин сказала Трой: «Вы получите огромное удовольствие». Кто-то из пассажиров грустно говорил жене: «Ничего не поделаешь, приходится возвращаться на землю».

Когда все пассажиры прошли, новая группа направилась к «Зодиаку». Их приветствовал шкипер, добродушный, опрятного вида человек в белой рубашке, темно-синих брюках и галстуке. На нем была традиционная форменная фуражка.

– Вы, конечно, хотите подняться на борт. Том! – крикнул он, и паренек начал перетаскивать багаж на палубу. Шкипер протянул, руку, чтобы помочь дамам взобраться.

Мисс Рикерби-Каррик никак не могла решиться на этот подвиг.

– Боже мой! – воскликнула она. – Ох, ох, спасибо. – И совершила поистине чудовищный прыжок.

У нее была привычка ошупывать левой рукой на груди свитер, словно она носила в мешочке на шее все свои капиталы и проверяла, на месте ли они.

Пройдя мимо рубки, пассажиры по крутому трапу спустились в салон. Еще один трап вел в коридорчик, где находились каюты. Слева от трапа сквозь люк виднелась кухня, где какая-то блондинка ставила на поднос тарелки с мясными закусками и салатом. На женщине было чер-

ное ситцевое платье и накрахмаленный белый передник. Блестящие соломенного цвета волосы были разделены на прямой пробор и стянуты в пучок. Блондинка ослепительно улыбнулась и сказала: «Доброе утро. Ленч будет через полчаса, бар откроется сию минуту». Трой заметила, что бар расположен у самого входа в салон с левой стороны.

С палубы спустился Том с вещами Трой, и она последовала за ним вниз, к своей каюте. Каюта 7 была третьей по правому борту и занимала площадь ровно вдвое больше койки. В ней были шкафчик, умывальник и расположенный под низким потолком иллюминатор. Покрывало и занавески были вишневого цвета, а на полочке у койки стояла в вазочке красная герань и несколько веточек папоротника. Мальчик поставил чемодан, затем и этюдник, улыбнулся и исчез. Трой распаковала чемодан, сунула его вместе с этюдником под койку, вымыла руки и хотела уже пройти в салон, как вдруг услышала на берегу голоса. Трой выглянула в иллюминатор, для чего ей пришлось, стоя на коленях, примоститься на койку. Иллюминатор был на уровне причала. Прямо перед глазами Трой возникли краги и ботинки франтоватого шофера, его коричневые бриджи и две руки в перчатках, в каждой из которых он держал по чемодану. Все это исчезло из виду – шофер, по-видимому, шел к трапу, – и в поле зрения Трой попали чьи-то полуботинки и серые брюки. Ноги в серых брюках остановились, образуя усеченную треугольную рамку, сквозь которую Трой, как в искусно снятом кадре, увидела вдали мотоциклистов в черной коже: они по-прежнему сверкали металлическими нащепками, жевали жвачку и глазели в пространство. Ей вдруг пришла в голову нелепая мысль, что они смотрят на нее, но она тут же поняла, что это глупо. К парочке подошел мальчик с «Зодиака», и в тот же момент всех троих загородило подъехавшее такси. Образующие рамку ноги в серых брюках сдвинулись, дверца такси приоткрылась, но тут вдруг раздался громкий стук в дверь. Трой быстро села на постели и сказала: «Войдите». В каюту заглянула оживленная физиономия мисс Рикерби-Каррик.

– Послушайте, – сказала она, – это же блаженство! Душ и два клозета! Чудо! – Трой не успела ответить ей, как мисс Рикерби-Каррик исчезла. На судне послышались голоса только что прибывших пассажиров.

– Очень вам благодарен... м-м... возьмите. – Голос пробормотал нечто неразборчивое.
– ...Спасибо, сэр, – ответил второй.

Дверь захлопнулась, и по трапу, а затем на верхней палубе застучали шаги. «Это шофер, – догадалась Трой, – и мистер Дж. де Б. Лазенби». Она прислушалась, ожидая, когда же появятся остальные. Снова послышался невнятный шум, стук. Женский голос сказал:

– Верно, стюард, у нас в самом деле много фотооборудования. Пожалуй, каюту 3 займу я, там у нас будет как бы и гостиная, а в номере 6 разместится мой брат, и все вещи тоже несите туда. Ладно, Эрл? Ты не против?

– Конечно-конечно.

Шестая каюта находилась рядом с каютой Трой. Она слышала, как расставляют вещи, несколько раз пассажиры вежливо предупредили, что вещи хрупкие. Мужской голос несколько раз повторил: «Конечно-конечно. Прекрасно. Отлично».

Трой заглянула в список пассажиров: прибыли мистер Эрл Дж. и мисс Салли-Лу Хьюсон. Трой прибрала свои вещи и поднялась в салон.

Там уже собрались все, кроме троих, приехавших последними. Доктор Натуш, сидя в сторонке, пил пиво и читал газету. Мисс Рикерби-Каррик, беседовавшая с мистером Поллоком, заняла место на круговом диванчике под окнами салона. Мистер Кэли Бард явно дожидался Трой и тут же ей напомнил, что она обещала с ним выпить. «Миссис Тритуэй, – сообщил он, – делает великолепные картины».

Миссис Тритуэй, уже знакомая нам блондинка, стояла за крошечным баром в классическом обрамлении сверкающих на солнце бутылок и стаканов. Казалось, она и сама излучает сияние. Мистер Поллок все поглядывал в ее сторону, чуть улыбаясь, а мисс Рикерби-Каррик

глазела на нее с прямо-таки страдальческим изумлением. Мистер Бард выразил свое восхищение в манере, весьма для него характерной, как позже убедилась Трой.

– Бар в Фоли-Бержер может прикрыться, – заявил он. – Побывав здесь, Манэ перестал бы туда заглядывать. Кстати, рядом с вами его ореол, пожалуй, бы слинял. – Он слегка поклонился Трой и многозначительно улыбнулся.

– Перестаньте, – торопливо попросила Трой. – Пожалуйста.

Он рассмеялся и стал расплываться. Миссис Тритуэй улыбнулась своей ослепительной улыбкой.

Даже доктор Натуш опустил газету и несколько секунд очень серьезно рассматривал миссис Тритуэй.

На стенке бара в рамке висели небрежно напечатанные на машинке стишки.

ЗНАКИ ЗОДИАКА

Названья светил бесконечно просты,

Легко их запомнить, ей-ей.

Вот Дева, вот Овен, а там Близнецы,

Стрелец, Скорпион, Водолей,

Вот Рыба и Рак, Козерог и Весы,

Вот Лев и Телец – заучи их скорей.

– Очаровательно, не правда ли? – спросил Кэли Бард, обращаясь к Трой.

– Магия имен собственных, – согласилась она. – Да еще таких. Конечно, это производит впечатление.

– Мне их подарил один пассажир. Он сказал, что это из какой-то детской книжки, – пояснила миссис Тритуэй.

– Напоминает считалку, – сказала Трой, подумав, что неплохо было бы нарисовать знаки зодиака и разместить их вокруг стихотворения.

– Ну, мне пора вас кормить, – сказала миссис Тритуэй. Она позвонила в колокольчик. – Ленч сегодня холодный. Угощайтесь, пожалуйста, сами.

Мистер Бард, не спросив Трой, заказал еще два мартины.

– Благодарю, мне не надо, – отказалась она.

– Ну что ж, – заметил он. – Отложим до обеда. Пусть нашим девизом будет умеренность.

Трой видела, что мистер Бард решил за ней приударить. При данных обстоятельствах это ее никак не устраивало (независимо от того, был ли ей по сердцу такой поклонник). Мистер Бард, очевидно, понял, кто она, поскольку побывал на ее выставке. Наверняка он догадался, что Трой не хочет быть узнанной. Надо полагать, он собирается воспользоваться этим преимуществом, навязав ей себя в качестве союзника. Все это было вовсе ни к чему.

В конце кругового диванчика рядом с доктором Натушем Трой заметила свободное место. Она положила себе салат и холодное мясо и села рядом с доктором. Он привстал и поклонился.

– Надеюсь, вы довольны своей каютой? – спросил он. – Мне все очень понравилось.

Он отложил газету. Взглянув на нее, Трой увидела свое изображение. Фотограф запечатлел ее в тот момент, когда она обменивалась рукопожатием с Особой, открывавшей ее выставку. Неужели доктор Натуш не узнал ее? «А что я так беспокоюсь? – одернула она себя. – Еще будь я кинозвездой, это могло бы вызвать переполох, но кого в наше время интересуют художники? Наверное, все дело в том, что я не умею разговаривать о живописи с людьми, которые ничего в ней не смыслят. Я начинаю мямлить и смущаться и веду себя как идиотка».

Но доктор Натуш не стал говорить с ней о живописи. Он говорил о погоде, о предстоящей поездке, и речь его слегка напоминала брошюры Компании увеселительных прогулок. «Мы увидим много исторических достопримечательностей», – сообщил он веско.

В салоне появились мистер и мисс Хьюсон, типичные американские туристы, без особых претензий. Оба чистенькие, аккуратные, весьма практичные на вид. Мисс Хьюсон – светловолосая, низенькая, плотная. Мистер Хьюсон, высокий, худощавый мужчина, носил очки и слуховой аппарат.

– Вот и мы, – сказала мисс Хьюсон. – Опять заканителелись. Вы уж нас простите.

Миссис Тритуэй представила им собравшихся, и Хьюсоны вежливо повторяли вслед за ней каждую фамилию, а англичане с учтивой улыбкой что-то бормотали в ответ.

– Еще не все пришли, – сказала мисс Рикерби-Каррик, с оживлением запихивая в рот салат. – Вы не самые последние. – Она указала на лежащий на столе список пассажиров. Трой уже заметила, что фамилия К. Дж. З. Андропулоса вычеркнута, а ее пока что не проставлена. Мистер Бард, украдкой покосившись на нее, протянул руку к списку и исправил эту оплошность.

Мисс Рикерби-Каррик игриво зашептала, указывая на фамилию Дж. де Б. Лазенби:

– Давайте угадаем, кто он.

Приход самого мистера Лазенби избавил их от необходимости гадать и слегка разрядил напряжение: мистер Лазенби оказался священником.

Это было неожиданно: обычно простые священники не разъезжают в дорогих машинах, за рулем которых сидят шоферы в форме. Мистер Лазенби не производил впечатления богатого человека. Высокий, с розовым лицом и чуть редееющими волосами, он носил темные очки, строгий серый костюм, голубой пуловер и соответствующий званию высокий воротник.

Миссис Тритуэй представила его, резонно добавив, что он, конечно, сам вскоре разберется, кто здесь кто.

– О, несомненно, – сказал мистер Лазенби с чуть заметной пасторской интонацией.

– А как же в списке-то! – воскликнула мисс Рикерби-Каррик. – Там не написано «преподоб...», почему, интересно?

– Наверно, потому, – отозвался мистер Лазенби, накладывая салат в тарелку, – что я сделал заказ письменно из Мельбурна. Кажется, я не указал свой сан.

Он с улыбкой кивнул ей, мелко перекрестил свой джемпер и сел рядом с мистером Поллоком.

– Как аппетитно приготовлено, – сказал он.

– Очень вкусно, – деревянным голосом ответил мистер Поллок и взял пикули.

Ленч продолжался под приглушенный шум голосов. Все рассказывали о себе. Хьюсоны прибыли из гостиницы «Табард» в Стратфорде-на-Эйвоне, где они в субботу смотрели «Макбета» и сочли спектакль очень странным. Мистер Лазенби гостил у норминстерского епископа. Мистер Поллок лондонским поездом добрался до Бирмингема, где остановился в гостинице «Осборн». Доктор Натуш и мисс Рикерби-Каррик приехали из дому. Мисс Хьюсон высказала предположение, что они с братом не единственные иностранцы на борту. Она обращалась к мистеру Лазенби, но, как показалось Трой, рассчитывала, что на эту реплику как-то откликнется доктор Натуш. Он не откликнулся. Мистер Лазенби стал рассказывать Хьюсонам об Австралии и Британском содружестве наций. Рассказывая, он тоже слегка повернулся к доктору Натушу, но из-за темных очков нельзя было разобрать, действительно ли он на него смотрит.

– Я никак не разберусь в этом содружестве, – пожаловалась мисс Хьюсон. – Это ведь Британское содружество, а вы не англичане, у вас правит королева, и в то же время вы не считаете себя монархией. Нам, американцам, наверное, этих тонкостей никогда не уразуметь.

Мисс Рикерби-Каррик разразилась сумбурной речью, где сожалела о рухнувшей империи и восторгалась монархией.

– Я знаю, так говорить не полагается, – сказала она, заговорщицки поглядывая на Трой, Поллока и Барда, – но иногда невозможно удержаться. То есть я, конечно, всей душой за свободу, гражданские права и интегра... – Она внезапно вздрогнула как ужаленная, багрово покраснела и повернулась к доктору Натушу. – Ради бога, простите, – пролепетала она. – Я хочу сказать, впрочем, я не знаю... То есть вы ведь?..

Доктор Натуш скрестил руки, минуту помолчал и спросил:

– Вас интересует, являюсь ли я подданным Великобритании? Да. Как вы видите сами, я отношусь к одному из национальных меньшинств. Я практикую в Ливерпуле. – Голос его был поразительно спокоен, будто весь этот разговор абсолютно его не задевал.

Наступила пауза, которую прервал шкипер, как краб, спустившийся по трапу:

– Что ж, дамы и господа, надеюсь, вы хорошо устроились. Через несколько минут мы отправимся в путь. Некоторые сведения о путешествии вы получите из брошюрок. У нас на «Зодиаке» нет микрофонов и громкоговорителей, но я всегда готов ответить на любые ваши вопросы. Прогноз погоды хороший, хотя в это время года здесь бывает иногда «ползун» – так у нас называют речной туман. Он обычно подползает ночью и бывает довольно густым. Днем мы пройдем верховьями реки до шлюза Рэмсдайка. Здесь очень много поворотов, и некоторые пассажиры говорят, что никак нельзя понять, куда мы движемся. Возможно, вы уже заметили, что у нашей реки нет названия: для местных жителей она просто «река». Именно в этих краях архиепископ Лэнгтон настиг короля Иоанна Безземельного. А еще задолго до этого римляне подвели к реке Рэмсдайка канал. Шлюзование занимает довольно много времени, так что вы сможете совершить прогулки по полям и посмотреть на лощину у Дайка, где во времена Плантагенетов собирались окружные королевские судилища, предвестники наших выездных судов. Найти лощину легче легкого. Она находится в пяти минутах ходьбы от берега. Благодарю вас, дамы и господа! – Он слегка поклонился и вернулся на верхнюю палубу. Пассажиры разом оживленно заговорили.

– Недурное начало! – воскликнул мистер Бард. – Несколько любопытных фактов, и наше воображение заработало вовсю. Очень хорошо. Великолепно! Миссис Аллейн, если вы уже позавтракали, давайте поднимемся наверх и поглядим, как мы отчаливаем.

– А может быть, нам всем стоит подняться? – сказала Трой.

– Еще бы, – оживилась мисс Рикерби-Каррик. – Шагом марш, друзья мои!

Она энергично высморкалась и ринулась вон из салона. Не обратив внимания на табличку с надписью «Осторожно, высокая ступенька», она поспешно шмыгнула в дверь и тут же споткнулась и закричала. Трой услышала, как мистер Хьюсон сказал сестре: «Поразительная особа», – на что та ответила: «Прямо чудище из королевской кунсткамеры». Вопреки логике Трой обозлилась и на них, и на мисс Рикерби-Каррик, ухитрявшуюся раздражать буквально всех. Мистер Поллок, правда, ограничился лишь тем, что буркнул: «Во здорово!» – а мистер Бард, взглянув на Трой, красноречиво закатил глаза и последовал за остальными на верхнюю палубу. Мистер Лазенби, еще не окончивший завтрак, помахал вилкой, давая понять, что присоединится к компании позже.

Доктор Натуш подошел к окну салона и стал смотреть на причал.

«Какой же он высокий, – подумала Трой. Натуш был выше ее мужа, совсем не малорослого. – Он ждет, чтобы мы вышли первыми», – догадалась она и подошла к нему.

– Доктор Натуш, вы уже совершали такие путешествия? – спросила она.

– Нет, никогда. Я еду по реке впервые.

– Я тоже. У меня и в мыслях не было, и вдруг решила взять билет.

– Вот как? Что ж, вполне понятно, что вам захотелось отдохнуть после хлопот.

– Да. – Трой кивнула, почему-то обрадовавшись, что он все же узнал ее. Даже не заметив, что на сей раз не испытывает привычного смущения, она сказала: – Меня они всегда немного угнетают, эти торжественные церемонии.

– Некоторые ваши работы очень хороши; я их видел в Лондоне, и они мне доставили большое удовольствие.

– Правда? Я рада.

– Мы, кажется, уже отчаливаем, если это правильное выражение. Не хотите ли подняться наверх?

Трой поднялась на палубу. Юнга Том отвязал концы и аккуратно сложил их. Шкипер стоял у руля. Машины теплохода заработали, и он двинулся назад, отдаляясь от причала. Мотоциклисты по-прежнему торчали на мостовой. Трой заметила, что Том еле заметно помахал им и они в ответ чуть приподняли руки. Девушка взобралась верхом на сиденье, юноша оттолкнулся, мотор затарахтел, мотоцикл рванулся, взревел и со скоростью ракеты исчез из поля зрения.

На палубу наконец вышел доктор Натуш, а за ним и мистер Лазенби. Все восемь пассажиров стояли у борта, глядя на удалявшийся берег. Шпили, вафельницы, стеклянные коробки, крыши мансард и приземистая ратуша медленно перемещались, то заслоняя, то открывая друг друга, и становились все меньше и меньше. «Зодиак» плыл по фарватеру реки к шлюзу Рэмсдаик.

II

Лощина королевского судилища

– Его деятельность была весьма многообразной, – рассказывал Аллейн. – На Ближнем и Среднем Востоке он работал на крупнейших воротил, занимавшихся продажей наркотиков. С одним из них он не поладил, и считают, что тот выставил его из игры. После наркотиков он начал спекулировать поддельными произведениями старых мастеров. Он организовал несколько крупных дел в Париже. Затем перебрался в Нью-Йорк, где пожинал плоды своих трудов, пока им не заинтересовалась международная полиция. Кстати, в то время он все еще был зарегистрирован в Голубом циркуляре, что значит...

Уже знакомый нам смысленный слушатель, сидевший во втором ряду, оживился. Казалось, он вот-вот готов вскочить и что-то сказать.

– Я вижу, вам это известно, – сказал Аллейн.

– Да, сэр. В Голубом международном циркуляре зарегистрированы те преступники, личность которых международной полицией не установлена.

– Совершенно верно. Однако полиция уже шла по его следам, и в 1965 году Артист вынужден был перенести свою деятельность в Боливию, где он впервые зашел слишком далеко и попал в тюрьму. Как я уже говорил, он бежал оттуда в мае позапрошлого года и через некоторое время с отлично сфабрикованным поддельным паспортом прибыл в Англию на испанском грузовом судне. В тот момент у Скотленд-Ярда еще не было против него конкретных улик, хотя мы часто о нем слышали от наших американских коллег. Я думаю, Артист еще до прибытия в Англию вступил в контакт со своими будущими сообщниками и один из них забронировал для него каюту на «Зодиак». Цель этого маневра станет вам ясной в дальнейшем.

Должен обратить ваше внимание на тот факт, что Артист обладал одним физическим недостатком, однако нам это стало известно значительно позже. В то время, о котором я рассказываю, мы не имели представления о внешности Артиста. На единственной фотографии, переданной нам боливийской полицией, был запечатлен заросший волосами субъект, уши которого были скрыты кудрями, рот – пышными усами, а остальная часть лица – бородой и густыми холеными бакенбардами.

Теперь мы, конечно, знаем, что у него была особая примета. Нужно ли, – спросил Аллейн, – напоминать вам, в чем она заключалась?

Слушатель из второго ряда показал жестом, в чем заключалась особая примета Артиста. Аллейн кивнул и продолжил свой рассказ:

– Я имею возможность очень детально познакомить вас с этой, казалось бы, невинной речной прогулкой, потому что моя жена довольно подробно мне о ней писала. В своем первом письме она сообщала, что...

1

«Вышло так, – писала Трой, – что я решила на поездку экспромтом, но, кажется, не пожалею. Обычно ты писал мне из кают, купе и номеров гостиниц, а я сидела и ждала, зато теперь мы оба в одинаковых условиях. Меня огорчает только то, что в ближайшие пять дней я не смогу получать твоих писем. Свое письмо я брошу в шлюзе Рэмсдайка, и, если повезет, ты получишь его в Нью-Йорке в тот день, когда я буду в Лонгминстере, конечном пункте нашего путешествия.

Мы живем в мире воды: водовороты, водоросли и стремнины. Ты сам знаешь, как плохо я ориентируюсь, а то, что происходит вокруг, запутывает меня окончательно. Почти весь день

электростанции на берегу передвигаются то влево, то вправо. Мы к ним то приближаемся, то отходим. Да, милый мой, я знаю, что меняется течение реки, а станции стоят на месте. Если не считать этих электростанций, здешний ландшафт на редкость ровный, утрамбованный, как говорит наш капитан, самой историей. Красные и Белые Розы. Кавалеры и круглоголовые. Священники и бароны. Все они мчатся к нам через столетия. А тебе известно, что в этих местах как-то провел целое лето Констебль и писал здесь картины?

Что касается моих спутников, то я уже пыталась их тебе описать. Случайная компания, не лучше и не хуже, чем любые восемь человек, решивших совершить пятидневное путешествие по реке. Если не считать насквозь простуженной мисс Рикерби-Каррик, которая меня, наверно, доконает (ты ведь знаешь, как я ненавижу вечно гундосящих людей), и чернокожего доктора Натуша, мы ничем особенным не отличаемся.

Бедная мисс Р.-К. раздражает не одну меня. Словно горный обвал, обрушивает она свою сокрушительную тактичность на доктора Натуша и не жалеет усилий, стараясь доказать ему, что она не расистка. Минуты две назад я наблюдала ее очередную атаку. Если бы она хоть временами замолкала, но как раз этого-то она не умеет. В Бирмингеме у нее есть лучшая подруга Мэвис, о которой она прожужжала нам все уши. Мы холодеем от страха каждый раз, когда слышим вступительную фразу: «моя лучшая подруга Мэвис». А между тем она (то есть мисс Рикерби-Каррик), по-моему, неглупая женщина. Только немного чокнутая. Она ведет дневник, вечно таскает его с собой и что-то в нем строчит. Стыдно признаться, но он возбуждает мое любопытство. О чем она пишет?

Мистер Поллок мне не нравится: он очень груб и явно считает нас дураками (нас – это мистера Барда, меня и, конечно, бедняжку мисс Р.-К.), поскольку мы не разделяем его неприязни к цветным. Мне трудно быть вежливой с мистером Поллоком, когда он садится на своего конька.

И не он один испытывает эту неприязнь. Да, «неприязнь», пожалуй, точное слово, но я чуть не написала «страх». Мне кажется, что Поллок, Хьюсоны и даже мистер Лазенби, хотя он, как священник, должен бы проявлять терпимость, поглядывают на доктора Натуша с чувством, определенно напоминающим страх.

Кажется, мы входим в наш второй шлюз – Рэмсдаек. Допишу позднее.

Позднее (примерно минут через 30). В Рэмсдаеке произошел инцидент. Мы все стояли на палубе, когда я заметила на противоположном берегу очень красивую аллею, трактир, несколько раскидистых вязов, речку и пруд. Я даже вскрикнула:

– Ой, взгляните! Здесь всюду Констебли, куда ни посмотри. На каждом шагу Констебли.

Все так и замерли, а один просто остолбенел, но кто, не знаю, так как все стояли неподвижно. Потом доктор с легким удивлением спросил: «Вы говорите о полицейских, миссис Аллейн? Где они? Я никого не вижу». Тогда я объяснила, что я имела в виду, и он рассмеялся впервые за время поездки. Поллок изумленно вытаращил на меня глаза, а Кэли Бард сказал, что уж подумал было, не пришло ли ему время расплачиваться за грехи. Мистер Лазенби нашел это недоразумение весьма забавным, Хьюсоны так и остались в недоумении. Мисс Р.-К., когда поняла, в чем дело, захохотала, как гиена. Я до сих пор не знаю, кто из них (может, это был и не один человек, а больше) так испуганно затих, а главное, мне почему-то взбрело в голову, что мое объяснение расстроило кого-то еще больше, чем мой возглас. К тому же меня преследует ощущение, что вокруг меня разворачивается какой-то спектакль. Это что-то вроде снов, которые иногда снятся актерам, когда им кажется, будто они на незнакомой сцене, где идет совершенно неизвестная им пьеса.

Смешно? А может, не смешно? Странно? А может быть, не так уж странно? Позже напишу из Толларка. Выставка прошла прилично. Все картины были удачно размещены и освещены. Местная галерея приобрела одну черно-розовую картину, и еще семь небольших были проданы в первый же вечер. 31-го буду в Париже, а в ноябре – в Нью-Йорке. Родной мой, если

у тебя выберется свободная минутка, мне бы хотелось, чтобы ты все-таки зашел в музей Гуггенгейма просто взглянуть...»

2

Трой нравилось шлюзование. Рэмсдайкский шлюз был очень красив: небольшой участок, хорошенький домик, буксирная дорожка, мост через реку, а на противоположном берегу «констеблевский» ландшафт. «Зодиак» медленно вошел в шлюз, но, прежде чем он стал опускаться, Трой соскочила на берег, бросила в ящик письмо и пошла в том направлении, которое указал ей шкипер. «Двадцать минут!» – крикнул он вслед. Она перешла дорожку и начала взбираться на поросший травой пригорок. Она вышла на узкую дорогу – «Дайк-Уэй», упоминавшуюся в брошюрке. Трой вспомнила, что дорога начинается в местечке Уэпентейк, которое, судя по карте, находилось примерно в полутора милях от шлюза.

Пахло землей, травой и легким дымком от костра. На душе у Трой было легко и радостно, и она сама не заметила, как, взбираясь вверх по склону, добралась до лощины.

Лощина была круглая, заросшая травой, папоротником и мхом. Именно здесь собирались каждые две недели рыцари двора Плантагенетов, дабы вершить правосудие, как его понимали в те дни и как предписывал закон.

Несколько ниже лощины, неподалеку от шлюза, на склоне пригорка, виднелся сравнительно свежий карьер: должно быть, из него брали гравий, которого здесь было предостаточно, а может, здесь копались археологи-любители. Старая дверь, под которую кто-то кое-как подсунул прогнившие деревянные подпорки, служила крышей и с грехом пополам удерживала нависший над краем карьера пласт земли. «Залатали», – подумала Трой. Она вошла в лощину, села, и ей даже показалось, что она сидит на некоем подобии земляной скамьи, вырытой, наверно, семь веков назад. «Я полнейший профан в истории, – подумала она, – но мне нравится ее слушать». – И она стала мысленно заселять лощину как бы вырезанными из дерева головами, мантиями ярких цветов и блестящими доспехами. Трой вдруг подумала, не сделать ли ей такой рисунок – лаконичный, темный, сплошь заполненный фигурами людей, вершащих суд. Теплый ветерок зашевелил траву и ее волосы, и в тот же миг на склоне появился доктор Натуш.

Он был без шляпы и сменил на желтый свитер свой твидовый пиджак. Увидев Трой, Натуш остановился: высокий рост и темный цвет кожи делали его фигуру особенно внушительной на блеклом фоне реки. Трой помахала ему рукой.

– Поднимайтесь! – крикнула она. – Лощина здесь.

– Спасибо.

Он быстро поднялся вверх по склону, вошел в лощину и огляделся.

– Так, значит, вот где они восседали, эти старики. В нашей брошюрке очень лихо все это описано.

У Трой мелькнула мысль, что эти словечки звучат неуместно в его устах.

– Садитесь и вы, – предложила Трой. Ей захотелось посмотреть, как будут выглядеть его голова и обтянутые желтым свитером плечи на фоне мха и папоротника.

Он уселся, положив руки на колени. На представшем перед Трой живом портрете светлыми бликами выделялись зубы и белки глаз.

– Выгляжу очень чужеродным? – спросил он.

– Я бы с удовольствием написала ваш портрет. Вы действительно ощущаете какую-то несовместимость? То есть, я хочу сказать, вам совсем чуждо все это?

– Все это? Чуждо? Вовсе нет.

Они некоторое время сидели молча, но Трой не показалась эта тишина тягостной.

Над набережной виднелась верхняя часть рулевой рубки «Зодиака», который уже начал медленно опускаться. Издали доносился голос и смех мисс Рикерби-Каррик.

Затем они услышали треск приближающегося мотоцикла. Промчавшись мимо, мотоцикл затих, остановившись в конце дороги.

– Похоже, это снова те двое, – сказала Трой.

Доктор Натуш встал:

– Вы не ошиблись, я их вижу. Вон, машут руками.

– Странно, – сказала Трой, – что это они все носятся?

– Может быть, где-то здесь их кемпинг. Ведь мы совсем недалеко уплыли.

– Да, я и забыла: на реке меняются все представления о расстоянии.

Трой сорвала лист папоротника и начала вертеть его в руках. Доктор Натуш снова сел с ней рядом.

– Мой отец был эфиопом, – сказал он, помолчав. – Он приехал в эту страну пятьдесят лет назад и женился на англичанке. Я родился и получил образование в Англии.

– А у себя на родине вы когда-нибудь были?

– Был однажды, но оказался там чужим. Так же как и мой отец, я женился на англичанке.

Моя жена умерла два месяца назад.

– О, так вы поэтому отправились путешествовать?

– Мы собирались поехать вдвоем.

– Я понимаю, – сказала Трой.

– Ей бы понравилось. Такое путешествие – одно из тех немногих скромных развлечений, что были нам доступны.

– Скажите, вам очень мешает то, что вы темный?

– Да, конечно. Вы молодчина, миссис Аллейн, что сами задали этот вопрос. Я ведь знаю, всем хочется это спросить, но никто не решается.

– Рада, что вы не обиделись.

– Я с вами себя чувствую очень легко. – Доктор Натуш сказал это примерно таким тоном, каким объявил бы пациентке, что та абсолютно здорова. – Очень, очень легко, – после паузы повторил он. – Мне кажется, миссис Аллейн, это ощущение сохранится, что бы вы мне ни сказали.

На склоне появилась мисс Рикерби-Каррик.

– Эй! – крикнула она. – Как вам там, наверху?

– Недурно, – отозвалась Трой.

– Ну что ж, отлично!

Мисс Рикерби-Каррик, пытаясь, стала взбираться вверх, сморкаясь на ходу. Трой вдруг стало ужасно жаль ее. Ей подумалось, а есть ли у бедняжки в целом свете близкая душа, кроме этой знаменитой Мэвис, о которой она прожужжала всем уши.

Доктор Натуш вздохнул и встал.

– Я вижу в том конце калитку, – сказал он. – Если хотите, можно пройти к берегу оттуда.

– Вы идите, – негромко ответила Трой. – А я ее, пожалуй, подожду.

– Вот как? Хорошо.

Он подождал минуты две, вежливо поклонился мисс Рикерби-Каррик и направился к калитке.

– Не правда ли, он душка? – запыхавшись, произнесла Рикерби-Каррик. – Вам не кажется, что он какой-то необыкновенный?

– Он производит приятное впечатление, – сдержанно сказала Трой.

– Мне кажется, мы все должны особенно стараться поддержать его. Такие люди, как мистер Поллок, приводят меня в бешенство. Я прямо все ему сказала. Я, знаете ли, люблю все высказывать начистоту. Я говорю: «Нечего считать, будто мы с вами чем-то лучше его только

потому, что у него другая пигментация». Они совсем такие же, как мы. Ведь вы согласны, что все мы должны особенно стараться.

– Знаете что, мисс Рикерби-Каррик...

– Зовите меня просто Хей.

– Ну что ж... спасибо. Я вам вот что хотела сказать: вряд ли доктору понравится, если мы будем так уж пыжиться. Весьма сомнительно.

– Вы с ним как-то очень уж легко нашли общий язык, – досадливо сказала мисс Рикерби-Каррик.

– В самом деле? Что ж, я нахожу его интересным собеседником.

– Ага, вот видите! – с не совсем понятным торжеством воскликнула Рикерби-Каррик.

Наступила длительная пауза.

Зарокотал мотоцикл, они услышали, как он промчался через мост и исчез в направлении Норминстера.

На склоне один за другим стали появляться остальные пассажиры. Позади всех, волоча ногу в ортопедическом ботинке, шел мистер Поллок. Хьюсоны были увешаны фотоаппаратами, у Кэли Барда за плечами висел какой-то ящик, а в руке был сачок для ловли бабочек.

Когда все собрались вместе, Хьюсоны принялись сперва снимать лошину, а затем и всех попутчиков, усевшихся с принужденным и неловким видом. Трой подумала, что мистер Лазенби, наверное, сравнивает лошину с местом сборищ аборигенов где-то в глуши Австралии. Мистер Поллок полистал брошюру и с негодующим видом воззрился на окружающий его ландшафт.

Кэли Бард подошел к Трой.

– Так вот куда вы сбежали, – буркнул он вполголоса. – А меня подцепила тем временем эта ошеломляющая дама. Кажется, она начинает движение «давайте будем как можно любезней с Натушем».

– Да, я знаю. Как вы откликнулись на ее лозунг?

– Сказал, что я и так до приторности с ним любезен. А теперь просветите меня насчет королевских судилищ. У меня своего рода аллергия к брошюрам, а то, что рассказывал шкипер, я начисто забыл. Выкладывайте, прошу вас.

– Так вы ловите бабочек? – спросила Трой, оставив без ответа прозвучавшую довольно фамильярно просьбу.

– Совершенно верно. Я любитель. Вы не находите эту страсть зловешей? У нее дурная репутация. Во-первых, тот ужасный фильм¹, а потом еще в «Собаке Баскервиллей» какой-то злодей носился по болотам с сачком для ловли бабочек и ботанизированной.

– Ассоциаций предостаточно, но я вообще предпочитаю бабочек и мотыльков живыми. Вы не заметили тех двух мотоциклистов? Они прямо нас преследуют.

– По-моему, это друзья нашего юнга Тома. Они из Толларка, мы там сегодня остановимся. Постойте-ка, нас, кажется, зовут.

На «Зодиак» прозвучали три коротких гудка. Вся компания заторопилась к теплоходу, уже вышедшему из шлюза. Слева по борту возвышалась плотина. За зеленоватой стеной падающей воды вся поверхность реки была покрыта пеной – пена громоздилась островками, горками, радужная, сверкающая на солнце, она распадалась на клочки и таяла на глазах.

– О! – восторженно вскричала мисс Рикерби-Каррик. – Как красиво! Да посмотрите же, – настойчиво обращалась она то к одному, то к другому. – Кто бы мог подумать, что эта тихая река может вспениться и превратиться в такое чудо. Ведь это дивный сон, не правда ли?

¹ Речь идет о фильме У. Уайлера «Коллекционер», герой которого, садист и убийца, также увлекается ловлей бабочек. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Мне это больше напоминает день большой стирки, – выглянув из салона, сказала мисс Тритуэй. – Это все порошки. Там, за деревьями, фабрика моющих средств. Чай готов, – добавила она.

– Так прозаично! – огорчилась мисс Рикерби-Каррик. Капелька пены села на кончик ее носа. – Вот досада! – сердито сказала она и спустилась в салон, куда последовали и остальные.

– Красиво то, что кажется красивым, – возразил Кэли Бард. – У каждого свое представление о красоте.

Он обратился к Трой, но ответил Натуш, шедший следом за ней.

– Наверное, не столько представление, сколько восприятие, – сказал он. – Помню, как-то я гулял в лесу и заметил на полянке поразительно яркую алую точку и тут же решил, что это некая зловещая плесень, отравляющая исподтишка всю нашу землю и воздух. Потом я подошел поближе и увидел, что это консервная банка с красной этикеткой. Разве из-за моего открытия она стала менее красивой?

Он повернулся к Трой.

– На мой взгляд, нет, – ответила она. – Яркий цветовой контраст всегда красив и производит впечатление.

– Не возвращаемся ли мы к старому флорентийцу с шишковатым носом? – поинтересовался Кэли Бард. – Нам остается предположить, что художник приходил в восторг от каждого угря, морщинки и шишки.

– Совершенно правильно, – сказала Трой.

– Значит, если бы сейчас из этой пены выплыло что-нибудь, скажем, мертвая рыба или дохлая кошка, и если бы по цвету и форме они гармонировали с остальным, то, значит, это стоило бы рисовать и оно считалось бы красивым?

Трой кивнула.

Тут в разговор ворвалась мисс Рикерби-Каррик.

– Продолжайте, прошу вас, я буквально ловлю каждое слово. Меня ужасно волнует этот вопрос. Ведь красота везде, во всем! – вскрикивала она, размахивая руками перед очками мистера Лазенби. – «Красота – это Истина. Истина – Красота», – процитировала она. – Вот и все, что нужно знать!

– Очень глубокое замечание, мисс Рикерби-Каррик, – вежливо произнес мистер Хьюсон.

– А я не согласна, – вмешалась его сестра. – Мне за свою жизнь пришлось узнать достаточно истин, в которых не было никакой красоты.

Мистер Поллок, до этого долго молчавший, глубоко вздохнул, и остальные пассажиры, будто заразившись его подавленным настроением, примолкли.

Кто-то, возможно мистер Лазенби, оставил на скамейке утреннюю газету, ту самую, в которой был отчет о выставке и фотография. Трой взяла ее, просмотрела заголовки, но, не найдя ничего интересного, перевернула страницу и...

ЧЕЛОВЕК НАЙДЕН ЗАДУШЕННЫМ

Вчера в 8 часов вечера в квартире на Кипрус-стрит, в Сохо, найдено тело задушенного мужчины. Полиция, ведущая расследование, полагает, что это торговец картинами К. Дж. З. Андропулос.

Список пассажиров все еще лежал на столе. Трой взглянула на имя, которое Кэли Бард вычеркнул, вставив вместо него ее собственное, и так резко встала с места, что кое-кто из ее попутчиков удивленно поднял на нее глаза. Как бы невзначай она уронила газету на скамейку и спустилась к себе в каюту. Поразмыслив, она решила, что если никто не прочитал заметки, то ей лучше помалкивать об ужасной новости. Потом она подумала, что будет еще лучше вовсе

избавиться от газеты, прежде чем ее фотография попадет на глаза пассажирам. Она представила себе, как мисс Рикерби-Каррик встретит ее возгласом: «Подумать только, о вас обоих написали в газете, и о вас, и о том бедняге, что должен был ехать в вашей каюте», – быстро отыскала свой альбом для эскизов и вернулась в салон. Газета исчезла.

3

Минуту или две Трой побыла в салоне, стараясь собраться с мыслями. Ее попутчики все еще пили чай и не казались встревоженными. Она поднялась на палубу. У штурвала стоял шкипер.

– Все в порядке, миссис Аллейн? – спросил он.

– Да, спасибо, все хорошо, – сказала Трой и пододвинула себе стул.

Пена уже почти исчезла из виду. «Зодиак» плыл по чистой воде мимо низких берегов и редких группок деревьев.

Трой начала рисовать знаки зодиака, располагая их по окружности. Стихотворение миссис Тритуэй можно будет поместить в центре, а позднее она кое-где раскрасит рисунок.

Из салона вдруг донеслись голоса, там громко заговорили. Через некоторое время на ее руку упала тень. Это снова был Кэли Бард. Трой не подняла головы. Кэли Бард отошел и стал к ней спиной, облокотившись о гакаборт.

– Боюсь, – сказал он, – что ваше инкогнито раскрыто. Мистер Лазенби увидел фотографию в утренней газете. Я бы, конечно, вас не выдал.

– Верю.

– Должен сообщить вам, что Рикерби-Каррик в восторге.

– Вот черт!

– А Хьюсоны приятно удивлены. Они читали о вас в журнале «Лайф», поэтому знают, что вы знаменитость. Их одно только удивляет, как это они вас сразу не узнали.

– Действительно.

– И Поллок, как ни странно, о вас наслышан. А преподобный Лазенби утверждает, что в Австралии вас считают равной Драйсдейлу и Добеллу.

– Очень мило с его стороны.

– Во всем этом для вас есть одно преимущество: теперь вы можете спокойно заниматься своим делом, не опасаясь, что все будут охать и сопеть вам в затылок.

– Я не собираюсь делать ничего особенного, – пробормотала Трой.

– Просто удивительно! – усмехнувшись, сказал Бард.

– Что?

– Что вы так скромничаете, когда говорите о своей работе. Вы!

– Такая уж я есть. Ну ладно, будьте умником, помолчите.

Бард хмыкнул и подтащил стул к тому месту, где сидела Трой. Ее обдало запахом табачного дыма от его трубки. «Они явно не заметили сообщения об Андропулосе», – подумала она, а секунду спустя у нее мелькнула другая мысль: «А может, заметили?»

Река стала так петлять, что ландшафт вокруг «Зодиака» закружился, как в диораме. Шпиль церкви в Уэпентейке то приближался, то отступал, надвигаясь на более высокий шпиль церкви Толларка, городка, к которому они подплывали.

Временами Трой отрывалась от работы, чтобы взглянуть на пейзаж, однако на листе все отчетливее вырисовывались знаки зодиака. Забавы ради она придавала каждому из них черты своих попутчиков. Хьюсонов она, конечно, изобразит в образе Близнецов, а мистеру Поллоку, который не ходит, а ковыляет, самой судьбой назначено быть Раком. Мисс Рикерби-Каррик, несомненно, девственница, и ей вполне подойдет Дева. Неистовому мотоциклисту она пририсовала бычьего рога. Ядовитые замечания Кэли Барда делали его весьма подходящим для роли

Скорпиона. В кого же превратить мистера Лазенби? Она вспомнила, что он плохо видит и в темных очках может сойти за слепое правосудие. Так пусть держит в руках Весы. Что касается доктора Натуша, мужественного, широкоплечего, то на небесном своде он должен был выглядеть великолепным Стрельцом с натянутым луком. И она начала рисовать Стрельца, похожего на доктора. Для миссис Тритуэй придумать аналогию было труднее. Правда, можно было сказать, что она такая же яркая и сверкающая, как Рыба. Трой посмотрела на стоящего у штурвала шкипера и, заметив, как под его белоснежной рубашкой перекачиваются мускулы, решила, что такая бьющая через край сила и мужественность характерны для Овна. Мальчик Том, конечно, будет Водолеем. Больше пассажиров не было, поэтому она приподняла Льву одну бровь, придав ему сходство со своим мужем. «Ну что ж, а на мою долю остается Козерог, – подумала Трой. – И может, это не так уж плохо».

Пассажиры один за другим выбрались на палубу, все, кроме доктора Натуша, и каждый в меру сил старался продемонстрировать Трой свою деликатность. Хьюсоны, улыбнувшись друг другу, погрузились в кресла и стали читать брошюры и «Ридерс дайджест». Мистер Лазенби, обратив в сторону Трой свои темные очки, кивнул и с королевской важностью прошествовал мимо. Мистер Поллок сделал вид, будто ее не замечает, однако, подойдя вплотную, стал внимательно наблюдать сзади, как она рисует.

Мисс Рикерби-Каррик, как всегда, была великолепна. С трудом взобравшись по трапу, она остановилась поболтать со шкипером, но все время стреляла по сторонам глазами, пока не увидела Трой. Тогда, оставив шкипера и с лукавым видом закусив нижнюю губу, она на цыпочках подкралась к Трой, наклонилась к ней и шепнула в самое ухо: «Только меня не рисуйте», – после чего игриво поплыла к своему шезлонгу.

Почувствовав, что вокруг нее создается какая-то странная обстановка, Трой обернулась и увидела, что у нее за спиной стоит мистер Поллок. Прищурился глаза, он с видом знатока рассматривал рисунок. На секунду их взгляды встретились, затем, подтянув хроющую ногу, он повернулся, чтобы уйти. В этот момент Кэли Бард с неожиданной злостью в голосе сказал:

– Вы что, мистер Поллок, получили приглашение на частный вернисаж?

Мистер Поллок промолчал, потом приглушенно произнес: «Очень хорошо. Прекрасно» – и отошел на другую сторону палубы.

Трой закрыла свой альбом и, пытаясь замять создавшуюся неловкость, заговорила о пейзаже.

В 6 часов 15 минут «Зодиак» прибыл в шлюз Толларк и пришвартовался на ночь.

III

Толларк

– В это время, – сказал Аллейн, – я был на пути в Чикаго, откуда мне предстояло ехать в Сан-Франциско. В Америке мы разрабатывали совместный план ликвидации международной банды, спекулировавшей подделками произведений искусства. Мы были почти убеждены, хотя точных данных у нас еще не было, что Артист играет в этом деле не последнюю роль и что та же банда одновременно занимается перевозкой наркотиков. Письма моей жены, отправленные с дороги, меня уже не застали в Нью-Йорке и были переадресованы в Чикаго, а затем в Сан-Франциско.

Прочитав их, я позвонил в Скотленд-Ярд.

1

Понедельник

Толларк

10.15 вечера

«...Это письмо, вероятно, придет одновременно с тем, что я отправила сегодня утром в Рэмсдайте. Пишу в каюте, вернувшись из Толларка, где мы провели первую ночь. Попытаюсь пересказать все сегодняшние события так, как это сделал бы ты, – кратко, но подробно. Я почти уверена, что сами по себе они не представляют ничего особенного. Я пишу тебе обо всех этих забавных мелких происшествиях только потому, что, мне кажется, они как-то связаны с делом, которым ты сейчас занят. Я прекрасно понимаю, что, вероятно, это просто чепуха.

Все, собственно, началось сегодня вечером в Толларке...»

2

Они причалили у небольшого городка, и после обеда пассажиры отправились его осматривать. Предчувствуя лобовую атаку со стороны мисс Рикерби-Каррик и, возможно, Кэли Барда, Трой, у которой были свои планы, постаралась ускользнуть пораньше. На причале к услугам пассажиров была телефонная будка. Вокруг никого не было видно, и Трой быстро вошла в нее. Через несколько секунд она уже спрашивала:

– Скажите, инспектор Фокс у себя? Можно его? Это говорит миссис Родерик Аллейн. – И, помолчав немного, продолжала: – Братец Лис²? Это Трой Аллейн. Послушайте, я насчет происшествия в Сохо, о котором сообщали утренние газеты. Этот человек заказал билет на...

Она старалась говорить как можно короче и точнее, но все равно не успела ничего толком рассказать – Фокс ее прервал.

– Очень любезно с вашей стороны, миссис Аллейн, что вы позвонили, – сказал он с хорошо знакомым ей ирландским акцентом. – Все, что вы рассказываете, очень интересно, я как раз сейчас занимаюсь этим делом. Значит, вы говорите из Толларка? И едете в освободившейся каюте? А звоните вы из автомата? Где он находится?.. Понятно... Так. – Он помолчал. – Да. Вчера нам сообщили из Нью-Йорка, что он отлично себя чувствует.

– Кто? – вскрикнула Трой. – Вы говорите о Рори?

² Фокс – по-английски «лиса».

– Совершенно верно. Рад, что вы позвонили. Если наши планы изменятся, мы, конечно, вас оповестим. Мне думается, будет лучше, если вы там не будете говорить лишнего, – мягко продолжил мистер Фокс. – Возможно, я слишком осторожничаю, да скорее всего именно так, но все же, если бы вам удалось, не привлекая к себе внимания, зайти через полчаса в наш участок в Толларке... Скажем, для того чтобы узнать, не нашлась ли ваша меховая горжетка, которую вы потеряли на своей выставке. Приятно было с вами побеседовать. Как мой крестник, здоров? Ну, всего хорошего.

Трой повесила трубку и повернулась. Сквозь разбитое стекло она заметила, как кто-то торопливо отскочил, а выйдя, увидела у кабинки мистера Лазенби.

– Вы уже поговорили, миссис Аллейн? – добродушно спросил он. – Вот и отлично, тогда я позвоню в резиденцию епископа Норминстера. Вы с ним не знакомы? Очень гостеприимный старик. Предоставил в мое распоряжение машину, шофера, все. Собираетесь побродить?

Трой сказала, что да, собирается. Мистер Лазенби посоветовал ей осмотреть местную церковь, которую, по его словам, очень хвалил епископ, и скрылся в будке.

Почему-то обеспокоенная, Трой прошла по узкой, мощенной булыжником улочке на рыночную площадь Толларка.

Городок показался ей очаровательным. В нем не было ни капли чванливого самодовольства, столь характерного для тщательно сохраняемых старинных городков, расположенных ближе к Лондону; впрочем, если верить брошюре, Толларк сумели уберечь от неумелых викторианских «реставраторов». Однако никакими стараниями, добавляла брошюра, уже нельзя восстановить того, что было разрушено варварами Кромвеля.

Народу вокруг было мало, и Трой решила, что не стоит спрашивать, как пройти в полицию. Обходя вокруг площади, она время от времени видела своих попутчиков. В темном переулке Хьюсоны что-то рассматривали в неосвещенной витрине лавочки. Мистер Поллок как раз заворачивал за угол церкви, с кладбища которой через крытый ход, пятясь, выходила мисс Рикерби-Каррик. Звонили колокола. Трой казалось, что все они словно персонажи комедии дель арте, а площадь – раскрашенный задник. Ее не оставляло смутное ощущение, что она невольная участница какого-то маскарада, где каждый пассажир «Зодиака» движется в заранее определенном направлении, и она вместе со всеми, но, куда они все движутся, она, хоть убей, не могла понять.

Она догадывалась, что Кэли Бард был бы не прочь побродить вместе с ней по Толларку, и не удивилась, увидев, как он с убитым видом завернул в местную пивную. Обойдя почти всю площадь, она увидела наконец знакомую синюю лампочку.

Дверь за ней захлопнулась, и она оказалась в другом мире, где пахло линолеумом, дезинфекцией и форменной одеждой. Дежурный сержант, предупрежденный о ее приходе, провел ее к старшему полицейскому офицеру. Это был крупный, мускулистый, полнеющий человек с пронизательными глазами и чисто профессиональной общительностью.

Он тепло пожал ей руку и представился: Тиллотсон.

– Рад познакомиться, миссис Аллейн, – добавил он, провожая ее в кабинет. – Счастлив встретиться с супругой Родерика Аллейна. Его учебник у нас в полиции называют «Бич Аллейна», можете ему это передать. – Он весело рассмеялся собственной шутке, оперся ладонями о стол и сказал: – Что ж, миссис Аллейн, я говорил с мистером Фоксом из следственного отдела, и он решил, что будет неплохо, если мы с вами потолкуем. Так что, если вас не затруднит...

Он очень умело заставил Трой описать все, что произошло за последние восемь часов, и поразил ее своим интересом к мельчайшим подробностям. Очевидно, почувствовав ее удивление, он заметил, что ее, вероятно, интересуется, чем вызвана такая его дотошность, и тут же вкратце это объяснил.

– Этот К. Дж. З. Андропулос – как вы уже, вероятно, догадались, грек по происхождению – был замешан в разных темных делишках. Он, можно сказать, ничем не брезговал: был и поставщиком наркотиков, и продавцом, и даже держал лавку по торговле картинами на Кипрус-стрит в Сохо. Жил он в том же доме на втором этаже. Там и нашли его вчера убитым. Он не был крупной фигурой, но был полезен Скотленд-Ярду, так как стал осведомителем, не поладив с неким Фолджемом, известным под кличкой Артист, – весьма заметной личностью в международном преступном мире. Вот им-то мы очень и очень интересуемся.

– Да, я слышала о нем от Рори, – сказала Трой.

– Не сомневаюсь. Видите ли, с нашей точки зрения, это убийство – дело рук Артиста, поэтому мы тщательно изучаем все факты, которые хоть как-то связаны с Андропулосом.

– И в том числе каюту № 7 на «Зодиаке»?

– Совершенно верно. Нам хотелось бы выяснить, почему Андропулосу пришла в голову причуда зарезервировать эту каюту и когда он это сделал. Особенно же нас интересует, не связан ли он с кем-нибудь из пассажиров. Между нами, Фокс немного обеспокоен тем, что вы едете на этом теплоходе, – он не знает, что сказал бы по этому поводу ваш муж. Мистер Аллейн сейчас едет на конференцию в Чикаго, и Фокс подумывает, не связаться ли с ним.

– Нет-нет! – воскликнула Трой. – К чему это?

– Откровенно говоря, мне тоже кажется, что ни к чему, но у Фокса на этот счет свое мнение. Когда вы ему звонили, он прервал разговор, опасаясь, что вас подслушают. Он, как вы знаете, человек осторожный и очень дотошный.

– Что так, то так.

– В связи с делом Андропулоса Фоксу, возможно, придется съездить во Францию. Так что поддерживать контакт вам пока придется со мной. Прежде всего хотелось бы взглянуть на список пассажиров. Кроме того, давайте рассмотрим те два инцидента, о которых вы упомянули. Значит, во-первых, у вас создалось впечатление, что кто-то – вы не знаете, кто именно, – испугался, когда вы сказали, что тут на каждом шагу Констебли. Во-вторых, вам попала на глаза заметка об Андропулосе. Прочитав ее, вы оставили газету на скамейке и ушли в каюту, решив не рассказывать об этом случае, чтобы не расстраивать пассажиров. Вернувшись, вы обнаружили, что газета исчезла. Так? Что ж, в первом случае, пожалуй, естественно, что туристы, находящиеся в тихой, мирной обстановке, забеспокоились при вашем восклицании: «На каждом шагу Констебли» – так вы, кажется, выразились? Вы говорили о художнике, они решили, что о полицейских.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.